

Александр БИРШТЕЙН

Вспоминная с любовью

Очень удобно начинать очередной текст строчками Корнея Чуковского:

— У меня зазвонил телефон...
 Так и было. Зазвонил телефон, я взял трубку и услышал голос Жени Голубовского.
 — Ты знал Макса Фарберовича?
 — Конечно!
 — Исполнилось десять лет со дня его смерти.

Десять лет... Шок! Я растерянно пробормотал что-то типа:

— Как быстро время летит...
 А Женя продолжил:
 — Напиши что-нибудь о Максе!
 Я обещал подумать.

Подумать... Скорее, повспоминать, вернувшись далеко-далеко назад, в далекий уже 1964 год, когда, вернувшись из колхоза, узнал от друзей, что во Дворце студентов будет совсем-совсем новая литстудия. Она будет состоять из литстудийцев, ранее ходивших в студию при Союзе писателей, ребята из медины и нас — учеников поэта Сергея Александрова, который и будет руководить студией.

Конечно же, ребята — старики! — ходившие в СП, держались отчужденно. А как же! Люди, известные в городе. Морис Бенимович, в будущем автор обессмертившей его "Мясоедовской", а тогда просто Бенья, был старше меня лет на 10 — 12, Миша Симоконов по кличке Боцман — еще старше... А без пяти минут кандидат наук Женя Почтаренко? А поэт-лирик-бомж Гена Барыгин? Олег Луговской, Макс Фарберович, Вася Афонин...

Знаете, настоящим писателем стал только Вася Афонин. Он очень хороший прозаик. А тогда он писал длинные, невероятно длинные стихи. Они были прекрасны по мысли, но излагались так долго, что становилось скучно.

— Вот бы прозой... — сказал как-то Генка Барыгин.

Так и случилось. Вася окончил юрфак, уехал домой в Сибирь и стал известным прозаиком.

Ой, кажется, я сильно отвлекся. Я же о Максе хотел.

Знаете, а Макс Фарберович стал как бы мостиком между нами, условно говоря, молодыми и "старыми, закаленными" литстудийцами. Он с нами подружился. А особенно — с Леной Заславской и Алешей Цветковым. Если вдуматься-вспомнить, Заславский и Цветков тогда писали стихи лучше всех. Ленка тогда не был и не предполагал, думаю, быть серьезным журналистом, а просто писал удивительные стихи. А Алеша... Студент-химик, худенький, тихий, вечно с книжкой в руках. Тихий... Он не любит вспоминать о своих стихах того времени. И я не буду. Но, поверьте, они были потрясающими!

А Макс писал очень серьезные стихи. И читал их охотно своим низким, четким голосом. Вместе эта троица составила смесь крайне взрывоопасную. Тем более, у них образовалась база — квартира Ленкиных родителей. Ленин папа преподавал в Кишиневе, мама была там же, а огромная квартира с роялем посреди гостиной оказалась в Ленкином распоряжении. Ну, и его друзей, конечно. Да-а, выпито нами там было немало. Но компания, начавшаяся всякими пакоственными идеями, еще и перемешалась по городу...

Не знаю, правда ли это, но Макс рассказывал, что они полюбили "гулять" на свадьбах. Заходили запросто, причем гости невесты принимали их за гостей жениха, а гости жениха — за гостей невесты. Выпивали, закусывали... Поздравляли, конечно. Все закончилось, когда кто-то, перебрав, озвучил экспромт:

*Невеста в талии — бревно.
 Жених, как глист в инфаркте, сплюснут.
 Все это было бы смешно,
 Когда бы не было столь грустным.*

За ними долго гнались...

Потом Цветков уехал в Москву, Заславский — учиться в Питер, а Макс по назначению уехал в Казахстан.

Вести о нем доходили скудные. Женился... Что-то пишет... Эмигрировал в Израиль. Живет в Кармизле, участвует в литературной жизни города.

О смерти Макса мне написал чудный детский писатель Леонид Сорока. Он же прислал альманах, куда вошли стихи Макса, его письма. И статья самого Леонида Сороки памяти Макса.

Я нашел свою запись в "Живом журнале" 2006 года.

"Это письма и стихи друга юности и одессита Макса Фарберовича, которого, увы, уже нет среди нас. Макс был потрясающе интересным человеком, изумительным собеседником и замечательным рассказчиком. Его эрудиции могла бы позавидовать и какая-ни-

будь энциклопедия. Главный его труд "Очерки алкогольной топографии Одессы второй половины XX века", уже став легендарным, все еще полностью не издан, хотя положительную и радостную оценку творчеству Макса дали такие специалисты как М. Жванецкий, О. Губарь и Р. Александров..."

Вот теперь — самое время перейти к этим самым очеркам алкогольной топографии, тем более что есть они у меня в лучшем виде. Таки есть что комментировать, о чем рассказать. Поехали?

Да, предварительно должен присовокупить, что одесская алкогольная топография жиддилась, таки да, на бодегах, винарках, наливайках и забегаловках, а отнюдь не на кафе и ресторанах.

...Разумеется, даже при относительной дешевизне тогдашней жизни настоящие элитные одесские рестораны типа "Красного", "Лондонского" и "Украины" были для нас недостижимы. Да и шашлычные типа "У тети Ути" дороговаты...

И еще. Фарберович, как и я, очень любил Новый базар, но в отличие от меня терпеть не мог "Привоз". Поэтому характеристика, данная им ниже винаркам "Привоза", несколько несправедлива.

"...При формировании компании не принимались во внимание ни материальное положение и должность родителей, ни, упаси Боже, национальность. Встречали в те годы не по одежке, а по таланту и начитанности..."

Вот вам очень четкая и — главное! — справедливая характеристика компаний того времени. А ведь точно — мы никогда не думали о национальности или материальном положении друг друга. Может, поэтому наши компании были так разнообразны и дружны.

"...вечером в будние дни и по выходным принято было "прошвырнуться" по городу или, как говорили в Одессе, "выйти в город"..."

Маршруты "выхода в город" для обитателей разных районов были сначала разными. Кто-то шел от Соборки, кто-то от вокзала, кто-то, как мы, с Жуковского... Но практически все, пройдя по Дерибасовской сверху вниз или снизу вверх, обрстая при этом новыми людьми, сходились на бульваре. О, бульвар тогда любили все! По нему можно было гулять бесконечно, встречая знакомых, здороваясь, прощаясь, присаживаясь на скамейки, чтобы попеть знакомые песни с незнакомыми ребятами...

...Обычно находился инициатор, который и выступал с предложением "вздрыгнуть", "освежиться" или "дать по банке". Начинались судорожные поиски финансов, выгребалось содержимое карманов, и необходимая для затравки сумма обычно находилась...

...реальными объектами наших скитаний по городу становились одесские винные погребки (подвальчики), называемые в народе просто винарками или "бадегами" ("бадегами"). ...Слово "бадега" до сих пор бытует в испанском языке и означает винный дегустационный подвал (погребок, кабак). В этом смысле оно часто фигурирует у Хемингуэя, который в Гаване напивался в бадеге "El Media"...

Как видите, Макс вполне научно, как и положено в серьезном трактате, подошел к теме. Вот я написал: "в серьезном трактате". И задумался. И вот что мне в голову пришло. Трактат Макса вполне серьезен. Он охватывает пусть одну, но далеко не малозначную сторону жизни молодой интеллигенции Одессы 60-х годов. А это огромное количество умных, образованных, талантливых людей, из которых выросли поэты и писатели, художники, артисты, моряки, инженеры и, увы-увы, эмигранты. Странное выражение — "выросли эмигранты". Но, поверьте, на самом деле в одном потоке было две эмиграции — экономическая и совсем другая, состоявшая из тех, кто, сломя голову, не зная, что впереди, кинулся не в открытую дверь, а в крошечную щелочку, образовавшуюся в этой двери. К ним принадлежал и Макс, и еще многие и многие.

"...Часть винарок представляла собой настоящие винные подвалы с "раншенного времени". В них было прохладно и просторно, столики, как правило, не предусматривались. Были погребки явно более позднего периода, несколько заглубленные ниже уровня тротуара, иногда всего на несколько ступенек. Вдоль стен располагались узкие полочки — стойки для стаканов..."

Вино в таких винарках стоило баснословно дешево. За десять — двенадцать копеек можно было выпить стакан вполне терпимого сухарика. Еще и конфету-подушечку к стакану давали! Винарки посещались как бессистемно, так и, чаще всего, по определенной системе, именуемой кругом. Кругов бы-

ло два — большой и малый. Макс очень точно очертил эти круги.

"...где-то на рубеже 50 — 60-х годов бывшие вначале бессистемными (в духе броуновского движения) хождения по винаркам стали обретать некую завершенную форму. Постепенно выкристаллизовались два основных маршрута обхода заведений, которые стали называть "Большим кругом" и "Малым кругом". Точнее, это были не совсем круги. Если нанести точки на карту города, то, скорее, получатся два вытянутых эллипса. Эта система обхода стала каноном. Впрочем, иногда (при переборе) оба маршрута начинали напоминать символ бесконечности — ленту Мёбиуса..."

"...Первая "точка" — подвальчик на углу улицы Гаванной (Халтурина) и пер. Маяковского (Малый пер.). Ввиду близости к Одесскому университету её называли "Университетской", "Студенческой", "Филфакерской" и "Станция метро "Маяковская". ...Столики стоячие и сидячие. Внутри уютно, накурено и шумно. ...Завернув на Гаванную и оставив слева костёл, направляемся в сторону Дерибасовской. В торце Гаванной — "Дом книги", с левой стороны которого приоткрылся крохотный магазинчик "Поэзия". Заходим засвидетельствовать почтение его заву, бывшему военному корреспонденту и пииту, милейшему Владимиру Васильевичу Курбатову. В магазине витает стойкий дух "биомидина" (крепляк "Билэ мицнэ"), к которому Курбатов неравнодушен. В шуточной поэме тех лет я так писал об этом прибежище юных талантов:

Где вечно пьян, но ликом светел

В кругу непризнанных светил

Старик Курбатов нас заметил

И с пьяных глаз благословил.

Там, где ещё не испохали

Бетон классический овал,

Поэт опальный Чичибабин

Мне свой автограф начертал.

...Покинув храм поэзии, выворачиваем на ул. Греческую (Карла Либкнехта). ...Далее нас встречает фирменный магазин "Украинские вина" ... "Шабское", "Перлына степу", "Пино", "Совиньон" "Наддніпрянське" и "Оксамит України". Здесь задерживались надолго, смакуя продукт и рассуждая о вкусовых качествах и методах приготовления различных алкогольных напитков фабрично-заводского и кустарного производства.

Выйдя вновь на Греческую, мы доходим до угла ул. Екатерининской (Карла Маркса) и переходим на противоположный угол. Здесь расположен знаменитый подвал "Два Карла". Подвал, прямо скажем, дрянной и неуютный. ...Весь "цимес" этого пункта состоял в том, что в советское время улицы Греческая и Екатерининская носили имена двух немецких коммунистов Карла Либкнехта и Карла Маркса соответственно. Отсюда и название, отдающее некоей фрондой и даже идеологией над вождями мирового пролетариата. Эта хохма приводила в восторг приезжих, особенно — питерцев и москвичей.

Двигаясь вниз по Греческой, повеселевшая компания достигает Пушкинской ...По Пушкинской было принято двигаться не спеша, рассуждая о новостях политики и литературы и декламируя стихи модных поэтов, прочитанные в свежем номере "Юности". Поэтическому настроению способствовал и вид Пушкинского дома, где в помещении музея-квартиры А.С. Пушкина в конце 50-х — начале 60-х годов проходили посиделки ЛИТО при одесском отделении СП. А под гостиницей "Красная", в глубоком подвале, в 70-е годы открылось кафе-бар "Нептун", где собиралась одесская литбюгема нового поколения. Здесь же собирались валютные представительницы древнейшей профессии — секс-работницы, обслуживавшие иностранцев и моряков."

Таверну, как мы ее называли, "Нептун" я помню. Но помню также, что вся местная богема собиралась не там, а в баре "Красной", где подавали хороший кофе и неразбавленный коньяк. Публика там была разношерстная: поэты, писатели, художники, актеры вперемешку с ворами, нищими на отдыхе и проститутками. Отношения среди "контингента" бара были самые теплые. Более зажиточные, чем мы, проститутки или нищие могли и коньяком угостить, и денег занять. А в "Нептуне" интересно было вечером, где играл хороший джаз и публика собиралась понимающая. Но пойдем дальше по Пушкинской.

"...На квартале между Базарной (Кирова) и Большой Арнаутской (Чкалова) располагалась знаменитая винарка, получившая название "Профессорская" по аналогии с доисторической винаркой на Екатерининской. ...Здесь — фирменная точка института им. Тавирова. Выбор вин обширен, качество — вне конкуренции, разливают и шампанское

("шампусик"). Большой выбор конфет для "закусона". Лучшее вино здесь — портвейн "Таврический". ...Есть и свои достопримечательности. Например, местный бомж по прозвищу Пушкин. ...двигаясь далее, и возле ЦУМа сворачиваем на Малую Арнаутскую (Воровского), и доходим почти до угла Ришельевской (Ленина) и Пантелеймоновской (Новорыбной, она же — Чижикова). Этот угол — колючая точка "Малого круга". Здесь сразу две винарки: одна — длинная и узкая на поверхности с небольшим заглублением, другая — в подвале. Хозяин у них один — Изя. Славятся они душистыми винами типа "Лидии" и "Изабеллы" и именуются в народе ласково "Лидочка и Бэллочка". Здесь наступает апофигей, народ расслабляется и впадает в несознанию. После перекура в блаженной расслабке компания не спеша движется к винарке на углу Базарной (Кирова) и Екатерининской. Здесь вечная очередь аж на улице. Лестница крутая и узкая, восходящий и нисходящий потоки посетителей мешают друг другу. Места мало, народ прижат, как сельди в бочке, конфетки мятые, вино (смесь) дерьмовое. Но если вы хотите испытать весь кайф советской эстетики касания и услышать крепкое солёное слово — то вам сюда. Здесь тусуются работяги и маргиналы с "Привоза". Эстетствующая молодёжь, как правило, эту винарку пропускает и следует до угла улицы Екатерининской (Карла Маркса) и Успенской (Чичерина), где имеется чистенькая, уютная небольшая винарка с прекрасно оформленной стойкой. Здесь есть и неплохой кисляк, и смесь, и коньяк. Разливают и бутылочное. В общем, это и винарка, и магазин-бар в одном флаконе. Здесь задерживались надолго, беседа "за жизнь" и обсуждая вечные и актуальные вопросы бытия, типа "Пить или не пить — вот в чём вопрос?" Здесь я часто выпивал с Геней Группом..."

Еще одно знакомое имя всплыло. Гена Групп. А я и не знал, что они с Максом дружили. Генку я знал в юности. Потом был перерыв. А потом, уже в двухтысячные, мы встретились вновь. Гена стал издателем, издавал тоненькие наши книжки по очень низкой цене, практически меценатствовал. У него хранилась большая подборка работ Цюмакиона, он мечтал ее издать. Не судилось... Гена скоропостижно умер в 2003 году.

"...можно было двигаться далее по Екатерининской и, минуя вновь "Два Карлов", выйти на Дерибасовскую. Но можно было свернуть на Александровский проспект (проспект Мира) и побалдеть на его скамейках. Именно на этих скамейках родился "Романс алкоголика" — плод совместного творчества Алёши Цветкова, Лёни Заславского и автора этих строк:

Достаньте бутылку, достаньте скорее!

Заученным жестом сломайте сургуч!

Пусть в жёлтом окне заблестят батареи,

Похитив огонь у забытых туч.

Купите селёдку, скорее купите!

Солёную голову суньте в карман!

Пусть ваш приятель в жестоком упитии

С трубой водосточною крутит роман.

Не вы ль проползли под десятком скамеек,

Оставив штаны за ближайшим углом?

Так жуйте ж селёдку, глотайте скорее.

Трезва лишь милиция — ей поделом!"

Собственно, алкогольное путешествие по Малому кругу практически закончено. Осталось заглянуть в "Оксамит Украины" на улице Карла Маркса угол Дерибасовской и в "Кульнич" на самой Дерибасовской. Стоит ли? По-моему, мы уже "хороши". Не пойдем мы и по Большому кругу. Зачем? Желающие его узнать прочтут о нем в Интернете. А одесситы и так его знают. А я хочу закончить свое правдивейшее повествование стихами. Эти стихи писали литстудийцы на одну навечно заданную тему. Тема была шутовой, хоть и включала в себя все случаи... не пугайтесь!.. смерти. Стихов было много. Далеко не все удачные. Стихи Макса Фарберовича помню...

*Умру в холодном декабре,
 Людьми и тварями забытый.
 А лампа будет все гореть,
 Света на шкалик недопитый.*

*Зайдет мой пьяница-сосед,
 Холодный труп покроев матом
 И, шкалик просмотрев на свет,
 В карман засунет воровато.*

*И лампочка перегорит,
 И тьма наступит без предела,
 И, колыхаясь, поглотит
 Полуживое тело.*

Макс умер, сидя за компьютером.